

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ И ДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТАХ

Аннотация. Тема статьи касается вопросов эволюции юриспруденции в определениях языка социокультуры своего исторического времени. Среди факторов изменений правовой аналитики и стиля аргументации ключевое место занимает категория-понятие «концепт». Концепты выражают базовые представления, касающиеся ментальных и когнитивных оснований развития права и науки права. В составе подходов в изучении права и науки права особое место занимает культурно-историческая юриспруденция, аналитический инструментарий которой предназначен для выявления, описания и объяснения концептуальных и институциональных сдвигов и переходов в развитии правовых систем. Каждая историческая эпоха эволюции права и науки права существует и определяет себя в рамках своей юридико-психологической картины мира, ее базовых концептов и нормативной грамматики должного или недолжного правопорядка.

Ключевые слова: культурно-историческая юриспруденция, правовые институты и концепты, юриспруденция мифа и логоса, фазовые трансформации права и науки права, язык и стиль классической и постклассической юриспруденции, онтология и эпистемология права.

JURISPRUDENCE IN CONCEPTUAL AND DISCIPLINARY CONTEXTS

Abstract. The topic of the article concerns the evolution of jurisprudence in the definitions of the language of socioculture of its historical time. Among the factors of changes in legal analytics and the style of argumentation, the key place is occupied by the category-concept of concept. Concepts express basic ideas concerning the mental and cognitive foundations of the development of law and the science of law. As part of the approaches to the study of law and the science of law, a special place is occupied by cultural and historical jurisprudence, analytical the toolkit of which is designed to identify, describe and explain conceptual and institutional shifts and transitions in the development of legal systems. Each historical epoch of the evolution of law and the science of law exists and defines itself within the framework of its legal and psychological picture of the world, its basic concepts, and the normative grammar of proper or improper law and order.

Keywords: cultural and historical jurisprudence, legal institutions and concepts, jurisprudence of myth and logos, phase transformations of law and the science of law, language and style of classical and postclassical jurisprudence, ontology and epistemology of law.

Постановка вопроса

Современное состояние в развитии юридической науки нуждается в глубокой предметно-методологической ревизии и реконструкции. Позитивистская версия понимания права, закрытая для изменений своего категориально-понятийного языка, исчерпав свой аналитический ресурс, судорожно ищет концептуальные основания сохранения своего статуса официальной схоластики. Существующая дисциплинарная структура юриспруденции продолжает воспроизводить бесперспективную логику содержательной и структурной эволюции дисциплины как апологии формального правопорядка. В полной мере этот момент развития отечественной юридической науки как в предметном, так и методологическом аспектах демонстрируют базовые учебные курсы по теории государства и права. Ни узкий, ни широкий взгляд на природу права, ни иные вариации на тему нового правопонимания (*концепта, эпистемы*) не меняют язык, проблематику и структуру классической юриспруденции, ее консервативную, формально-догматическую логику изучения государственно-правовых институтов. Начиная с первого систематического учебника [1] и вершины теории советской юриспруденции [2], завершая современными версиями дисциплины [3; 4; 5], базовый юридический язык — правовые категории, понятия и конструкции — сохраняет свои санкционированные значения. Заключение в нем юридическое знание, едва различимое по тематике и аргументации, не может выйти из заданного круга элементарных определений языка своего предмета (*закономерностей*), не меняя исходной этатистской парадигмы концептуализации феномена государства и права [История юриспруденции — это не то, что сказано о праве, а то, что еще не сказано. Действительный предмет науки — неизвестное. Современная юридическая наука продолжает пребывать в том состоянии, которое Э. Гуссерль обозначил как *остаточный позитивизм*, в котором нет места метафизике, то есть высшим и последним вопросам человеческого существования не только как эмпирического факта, но и метафизической ценности. См.: 6, с. 23].

Трехэлементная конструкция состава дисциплины, включающая мета-теоретическое введение в предмет (*философия права*), формальные дефиниции и понятия теории (*правовая аксиоматика и догматика*) и технику прикладного анализа (*толкования права*), сохраняя свое рабочее значение, требует более продвинутой концептуальной и инструментальной перспективы своего развития и воспроизводства. Объекты юриспруденции — сложные, многосоставные и многоуровневые динамично развивающиеся институты. Юридические знания, являясь структурной частью правовой реальности, как по своему практическому значению в процессах правообразования и регулирования социальных отношений, наряду с правовыми доктринами и ценностями, так и своему аналитическому статусу в общей системе социальных наук, должны отвечать актуальной потребности расширения своего предмета и методов анализа.

Юриспруденция, так же как общие элементы правовой онтологии и аксиологии, должна быть объектом научной рефлексии. Сами по себе именованные корпуса юридических дисциплин общеправового профиля — теория государства и права, теория права и государства, общая теория или энциклопедия государства и права, классическая и неклассическая теория, и тому подобное, ни о чем не говорят [см.: 7]. Скорее свидетельствуют об исчерпанности наличной эпистемологии дисциплины, а не открытия ее новой категориальной, концептуальной и аналитической перспективы. Язык позитивной юриспруденции застыл в системе понятий и конструкций, ограничивающих возможность выхода за рамки принятых представлений. А фактически — санкционированных самим юридическим научным сообществом, догматических определений и правоположений. Язык права, несмотря на формальные констатации наличия в его структуре метаязыка, концептуального и практического, остается периферийной темой и проблемой современной юриспруденции [8, с. 17–18; 9; Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридических текстов, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не язык формальных высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это — культурная грамматика насыщенных воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, право — это то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства. См.: 10]. Стандартные рассуждения о языке права и языке науки права не выходят за рамки элементарных лингвистических конструкций понимания своего предмета.

Возможности переопределения традиционной схемы построения юридической теории языка лежат в плоскости включения в ее состав в качестве предметного ядра изучения этносоциального и культурно-исторического контекста возникновения и развития государственно-правовых институтов [11], современных языков социального общения, социокультурных и когнитивных оснований и форм воспроизводства правовой системы и ее составной части — системы юридических знаний. Решение вопроса связано с пониманием элементарного факта. Социальные, политические, культурные и правовые практики как в своей феноменологии, так и эпистемологии, определяются смыслом коллективного и индивидуального, а сегодня — и информационно-сетевого человеческого существования. А это уже предмет культурно-исторической юриспруденции в ее трех дисциплинарных и аналитических измерениях: антропологии права, структурной и эволюционной социологии права и когнитивной юриспруденции. Именно на пересечении этих областей анализа и знания может быть выстроен

фундамент современной юриспруденции — новой интегральной эпистемологии юридической науки.

Этот концептуальный вызов все еще ждет своего адекватного концептуального ответа, поскольку изменения в системе междисциплинарных связей лежат в основании изменений аналитического языка теоретической юриспруденции [12]. Именно язык культурно-исторически ориентированной юриспруденции позволяет под новым комплексным углом зрения увидеть скрытые, глубинные основания и условия кризисов в развитии государственно-правовых институтов. А также цивилизационных различий в нормативных, доктринальных и аналитических практиках организации и функционирования систем социального, политического и правового общения, в том числе в механизмах их социокультурной легитимации. Они определяются пониманием нормативных границ сосуществования отдельных правовых систем в исторически различных культурах обменов и заимствований институтами и представлениями об институтах.

Юриспруденция в культурно-исторической перспективе

Культурно-исторический конструкт (*эпистема*) в изучении соционормативных систем и процессов позволяет уйти от классических (объективистских) моделей описания и объяснения права и избежать крайностей радикальной версии самоопределения юридической науки — постюриспруденции или юриспруденции без государства. В основании культурно-исторического концепта юридической действительности лежат социогуманитарные (*аксиологические и антропологические*) факторы и условия развития и функционирования систем социального общения. Аналитическое значение социокультурного измерения эпистемологии права может быть выявлено формулой «*отношение к отношениям*». То есть описания и объяснения нормативных практик развития и воспроизводства права в рамках бинарной оппозиции признания или непризнания, понимания или непонимания их действительного смысла и назначения. Все составляющие процесса институционализации и концептуализации правовой реальности — социогенез, нормогенез и культурогенез — определяются культурно-историческими условиями человеческого существования и общения. Правовая реальность — это прежде всего и по определению социокультурная реальность, она пронизана человеческими ожиданиями и настроениями, переживаниями смысла существования (индивидуального и коллективного), ценностными императивами и определениями сущего. В этой логике оценивания своего места и роли в практиках социально-правового общения именно категории *признание* и *понимание* формируют рамочные границы и соционормативное ядро реальных и потенциальных практик и траекторий возможных изменений систем правовой регуляции. Они образуют интегральную часть юридического концепта действительности, соединяя в себе феноменологические, ментальные и когнитивные основания правовой

реальности, социальное и нормативное в ее отражениях через восприятие, переживание и оценивание субъектами-актерами социальных предпочтений, мотиваций и действий.

Юридическое качество концепта *признание-понимание* заключено в его социальной и культурной нормативности. Признание лежит в основании определения аксиологического статуса (практической ценности) наличных, актуальных и потенциальных юридических форм, методов и способов правовой организации социальных отношений в их общей системе. В этом плане социальный кризис есть кризис нормативности и рациональности выбора и квалификации социального порядка в качестве правопорядка. Культурно-историческая генеалогия концепта *признание-понимание* заключена в самой соционормативной реальности, определяющей в конечном счете глубинные основания права как такового. А именно — является социокультурной по своей сути, наряду с языком и религией, формой существования и самоопределения исторического человека. Действительное право живет в форме представления о праве, нагруженного предметными, ценностными и нормативными смыслами и значениями. Различные культуры характеризуются различными представлениями о праве — его источниках и языке, содержании и границах юридической ответственности.

Культурно-историческое измерение права позволяет совместить в своих определениях и значениях как постоянные, инвариантные признаки данного феномена, так и конкретные, исторически меняющиеся. То есть его правовую онтологию и аксиологию, юридическую антропологию и социологию. Эволюция правовых систем привязана и к эволюции и системам социального общения, и системам представлений о должном или недолжном поведении. То есть пониманию-признанию того, что есть правомерное или неправомерное в той или иной социокультуре нормативного общения. Поэтому определения исторической и социальной психологии имеют фундаментальное значение в исследовании реальной логики развития различных систем соционормативной регуляции в догосударственно-правовых, переходных и государственно-правовых социальных системах, их нормативного языка и символов, семантики и семиотики, структуры и функций. Именно этим и объясняется теоретическое и практическое значение языка антропологически и социологически ориентированной перспективы в развитии юриспруденции.

Правовая реальность, основанная на понимании-признании должного и недолжного порядка отношений, — это одновременно и различия своего и чужого языка в практиках социального общения. Язык культурно-исторической юриспруденции позволяет не только и даже не столько проводить границы своего и чужого права, но прежде всего дает возможность понять и верифицировать границы экспансии других правовых систем в сферу собственных отношений и интересов и обеспечить их развитие и воспроизводство в рамках своей политико-правовой культуры и юридического

суверенитета. Культурно-историческая юриспруденция, позволяя выйти за концептуальные и аналитические рамки позитивистской версии понимания права и разрабатывая свой язык правовых значений, способствует воспитанию толерантного отношения к различным социокультурным традициям и практикам. И прежде всего — пониманию сложной архитектуры разнообразных юридических картин мира, выражающих юридическое лицо и ландшафт современного миропорядка.

Культурно-историческая юриспруденция как научная дисциплина имеет генетическую связь с общеотраслевыми и отраслевыми правовыми дисциплинами, сравнительным правоведением и правовой политикой. Она не претендует на статус общей теории и методологии права. Ее целевая аналитическая функция заключена в разработке представлений об исходных правовых основаниях жизнедеятельности человека различных систем социального общения, традиционных, переходных и современных обществ. В этом смысле культурно-историческая юриспруденция является теорией понимания и репрезентации юридического как сферы существования и реализации различных форм человеческой субъектности в юридических определениях исторического времени и исторического пространства. Культурно-историческая юриспруденция и ее базовый концепт *правовой плюрализм практик нормативного регулирования социальных отношений* играют роль методологии понимания пределов возможной унификации национальных правовых систем и в условиях формирования, и в условиях кризиса глобального правопорядка.

Концептуальный статус теории права

Теория права — составная часть юридической науки, образует понятийное основание ее аналитического языка. Определение места дисциплины в общей структуре юридического знания продолжает быть актуальной темой и проблемой современной юриспруденции. Она всегда занимала эксклюзивное положение в марксистско-ленинской правовой доктрине и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплине. В итоге была выстроена жесткая и идеологически унифицированная система и структура дисциплины, ее предмета, научного словаря, номенклатуры основных подходов и проблем скорее доктринального, чем аналитического разрешения. Представляется возможным вынести на обсуждение ряд тезисов, характеризующих отдельные этапы в эволюции подходов в определении теоретико-методологического статуса теории государства и права через реконструкцию ее эпистемических отношений с дисциплинарным кластером социально-политических наук. Не касаясь вопроса выявления содержательной глубины формальных конфигураций теоретической юриспруденции, таких как теория права и государства или теория государства и права, скорее концептуальные заклипания, чем их общая теория, узкое или широкое понимание предмета дисциплины, можно отметить следующее.

Традиционная версия понимания концептуального статуса дисциплины в духе бюрократического администрирования везде и во всем провозглашает, идеологически мотивируя ее предназначение быть альфой и омегой в объяснении фундаментальных закономерностей государственно-правового развития. В рамках данного подхода получила свое доктринальное обоснование иерархическая модель построения системы юридической науки, поскольку бюрократическая картина мира во всем видит только объект собственной организации и управления. Теоретическая юриспруденция рассматривается в качестве нормативной, идеологически фундированной дисциплины, содержание которой образуют рамочные директивные определения предмета и языка остальных правовых дисциплин в наличном корпусе юридической науки. Теория государства и права предстает в этом определении в качестве *прескриптивного* текста, предписывающего, оформляющего и оценивающего конкретное юридическое знание на предмет его классовой достоверности, истинности и обоснованности. Остальные ответвления юридической науки в данной модели тотальной унификации и контроля юридического знания образуют нижний уровень дисциплинарной иерархии. То есть вторичны относительно доктринального ядра общей и единственной для всех официальной теории государства и права. Ее конечный результат в полной мере выявил себя в унылом однотонном пейзаже учебной литературы, повторяющей и воспроизводящей десятилетиями как молитву классовые символы концептуальной веры¹.

Новая редакция юридического вероучения сегодня воспроизводит себя в более гибкой и структурированной аргументации, получившей весьма многообещающее наименование *интегративная юриспруденция*. Что не изменило исходную идеологему позитивистского правопонимания, поскольку являлось по своей сути предметным и доктринальным продолжением взгляда на юридическую науку как вертикально организованную систему юридических понятий и конструкций, особенно в части определения взаимных

¹ Завершенное в себе выражение юридической Теологии, выработанное на крупнейшем Соборе представителей советской юридической мысли в 1938 году и заключившее понятие права в рамки Канонической формулы: «Право — совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и *развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу*» [13, с. 40–41]. Здесь представлено все: и доктринальная манифестация позитивизма в его этактистской версии абсолютной веры, надежды и любви в магическую силу любых решений государства; и воплощение шопенгауэровской формулы мира как воли и представления в редакции никем и ничем неограниченной власти в законоположениях единственно верного учения. Господствующая идеологема победившего все и вся класса продолжает до сих пор с известными вариациями на тему конституционной государственности сохранять и охранять свое концептуальное и формальное наследие. Можно бесконечно долго ходить вокруг да около, размышляя на тему государства граждан, оформивших свои отношения в определениях конституции — своего рода политико-правовом контракте, забыв при этом, что исходным основанием политического соглашения выступает доверие государству. Доверие не безгранично. Сегодня оно есть, а завтра его может и не быть. Это рано или поздно расходуемый культурно-психологический феномен.

отношений между государством и правом. Для придания концептуальной новизны новому формату главной юридической науки в иерархии юридических дисциплин была развернута абсолютно бессодержательная дискуссия по вопросу различения понятий «интегральная юриспруденция» или «интегративная юриспруденция».

Концепт *интегративная юриспруденция* безусловно имеет право на существование прежде всего в плане открывающихся возможностей реформирования дисциплинарной структуры формально-догматической юриспруденции. Сама по себе задача обнаружения и формулирования новых смыслов и значений в понимании предмета и структуры науки права, а также ее аналитического языка и междисциплинарных связей в общей системе социальных, политических и гуманитарных наук, демонстрирует позитивные сдвиги в развитии теоретической юриспруденции. И, как следствие, предполагает формирование и проектирование новых правовых онтологий и эпистемологий. Все иное в понимании ее теоретико-методологического статуса будет ориентировано на сохранение стандартного этатистского нарратива (догматики и аксиоматики) суждений о праве и государстве в их взаимных отношениях и определениях. Ахиллесова пята интегративной юриспруденции по сравнению с догматической прозрачностью ее дисциплинарной альтернативы состоит в неопределенности ее действительного предмета. Проблема в том, что главный предмет изучения в манифестируемой ее собственным наименованием конструкции и важнейшее основание ее аналитического развития — разработка нового дисциплинарного комплекса и категориально-понятийного языка дисциплины. Причем не с точки зрения интеграции отдельных аспектов ее общего объекта, а перехода от изучения государства и права к изучению самой дисциплины, а именно ее собственных концептуальных и аналитических оснований. Переход к поиску, изучению и созданию интегративной эпистемологии науки права не состоялся, по крайней мере, вплоть до настоящего времени.

Юридическая наука в целом и ее теоретическая составляющая — одна из форм существования и развития правовой реальности. Это концептуальная и языковая реальность со своей внутренней (*структурной*) и культурно-исторической (*эволюционной*) логикой ее становления и воспроизводства. Теория права в своей собственной онтологии и эпистемологии обнаруживает себя и выражает себя в системе правовых категорий и представлений, понятий и определений, юридических конструкций и аргументаций. В этом плане аналитический язык юриспруденции в ее собственной догматике и аксиоматике объективно насыщен переживаниями и оценками должного и недолжного в порядке отношений, составляющими юридическую картину мира в целом и правопониманием конкретной исторической эпохи, в рамках которых конституируется заданный концептуальный формат и юридической теории, и юридической практики. Разумеется, процессы концептуализации предметов юриспруденции, их

динамика и структуры носят комплексный характер и протекают в системе культурно-исторических, эпистемологических и аксиологических координат данного исторического времени и места. Пересечения и заимствования общеметодологических и операциональных подходов в понимании границ и содержания своего собственного предмета и структуры как со стороны теории права, так и со стороны дисциплин социально-политического и гуманитарного комплекса носят циклический и взаимный характер. Обмен языков протекает зачастую спонтанно и на различных этажах аналитической рефлексии.

Логика и траектории практических вызовов и научных ответов не заданы изначально, но постоянно выявляют себя в процессах консервации старых и появления новых концептуальных решений. В этой связи вполне объяснимо становление в общем корпусе юридической науки, наряду со стандартным комплексом юридических дисциплин — историей государства и права — институтов (*историческая юриспруденция*), философии права и истории политических и правовых учений — доктрин (*доктринальная юриспруденция*), истории и методологии юридической науки — юридических знаний (*когнитивная юриспруденция*). В этом плане безусловный общенаучный интерес представляет такой феномен и формат юридической науки и теории права, как постюриспруденция или теория науки права, активно разрабатываемая отдельными представителями петербургской и московской школы права. Ее исходная познавательная парадигма ориентирована в отличие от неклассической, а тем более классической юриспруденции на изучение прежде всего самой юридической науки, ее онтологии и эпистемологии. То есть метатеоретических и концептуальных оснований дисциплины. Предмет постюриспруденции — юридическая наука во всех предметных и эпистемических проявлениях практического и теоретического языка, языка права и науки права. В этом аспекте своего концептуального статуса постюриспруденция это ничто иное, как теория о теории науки права или метатеория.

Историческая фаза саморефлексии на предмет самое себя выражает кардинально новую ступень теоретико-методологической эволюции научной дисциплины. Это по существу и был ответ на концептуальный кризис формально-догматической юриспруденции. Этот момент или парадигмальный сдвиг в понимании и расширении предмета теории права дает основание признать глубинный характер становления новой формации систем юридических знаний. Ее проблемное ядро составляет разработка теории междисциплинарных связей в системе социально-политических и гуманитарных наук, в рамках которой предметы и методы взаимоопределяют и конституируют друг друга. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Предмет обнаруживает себя через метод, а метод заключен в самом предмете. Собственный предмет и методы теории права выражают себя в языке юриспруденции, категории с меняющейся

исторически знаниевой формой и содержанием, производной функции междисциплинарных связей. Юридический язык обладает магическим свойством: он не только и не столько отражает правовую реальность в ее определениях и понятиях, — он ее замещает и производит. Именно здесь и заключено основное содержание вопроса взаимных отношений концептуальных заимствований и обменов между собственно теорией права и ее аналитическими референциями — антропологией и социологией права, юридической лингвистикой, политической юриспруденцией и правовой психологией. Это концептуальный симбиоз. Именно в нем, подвижном собственной культурно-исторической логикой воспроизводства права и науки права, позволительно увидеть те аспекты и моменты правовой реальности, которые лежат за предметными рамками догматической юриспруденции и иных аналитических версий классического и неклассического правопонимания. Именно разработка данной темы и проблемы составляет актуальное направление новой постклассической юриспруденции.

Юридический концепт действительности

Особое место в новой аналитике и методологии изучения развития правовых систем современной юриспруденции (*Инновационной юриспруденции*) занимает понятие-категория концепт. *Концепты* являются структурными элементами культурного механизма развития правовых систем. Как и любое явление социокультурного порядка, данная категория имеет свою историческую биографию: *эйдосы Платона* [14], *монады Готфрида Лейбница* [15], *стереотипы Уолтера Липпмана* [16], *гештальты Освальда Шпенглера* [16] и *Эрнста Юнгера* [18], *габитусы Пьера Бурдьё* [19], *эпистемы Мишеля Фуко* [20], *цивилизационные паттерны Йохана Аронсона* [21] — все это проявления и исторические маркеры ментальной и когнитивной природы языка права. Сознание, отражая реальность, в определениях своей культуры, рефлексивует феномен права в рамках глубинных оснований существования и заложенной в нем языковой картины мира своего исторического времени [см.: 6]. Отсюда закономерно включение в механизм генезиса правовых систем такой составляющей процесса и оснований развития права как концептогенез:

нормогенез — правогенез;

этногенез — социогенез — культурогенез — *концептогенез*;

политогенез — государствовгенез.

Концептогенез характеризует развитие правовых систем (институтов и ценностей) в *восприятиях, переживаниях и отношениях* к праву. То есть концепты заключают в себе *регуляторные понятия* в определениях права своей социокультуры. В этом аспекте концепты являются ментальными основаниями и источниками развития права. Они получают свое выражение и связаны также с правопониманием или базовыми представлениями о природе и источниках права. В этом аспекте концепты — *когнитивные*

основания и подходы в изучении права, то есть заключают в себе и *аналитические понятия* или свои языки описания и объяснения права.

Право как реальность не только *существует* в системе институтов, но также *изучается* в предметной логике правопонимания своей эпохи. В рамочных определениях культурного гештальта право переживается и оценивается в положительных или отрицательных коннотациях, познается и изучается в адекватной или неадекватной аналитике исследуемому явлению. Восприятие права и изучение права являются важнейшими моментами существования и развития языка права и языка науки права.

Право как социальная категория и институт отражает и выражает психологию своего исторического времени. В терминах дискурсивной логики К. Маркса право — это не что иное, как *опредмеченная* коллективная психология общества. Факт исторического существования права лежит в дефинициях культуры или социокультурной психологии определенной эпохи. Либеральное, гражданское или социальное право в различных модусах и модальностях своего институционального и нормативного выражения, а именно *императивное или диспозитивное право, жесткое или мягкое* право — проявления правосознания и правовой культуры конкретного общества. То есть социальной психологии своего исторического времени и места. Институты существуют в рамках *юридико-психологических картин мира* определенной исторической эпохи. Это предметы культурно-исторической юриспруденции и психоанализа в логике языков *инициаций* Зигмунда Фрейда [22], *архетипов* Карла Юнга [23], *симулякров* Жана Бодрийяра [24], *политических спектаклей* Ги Дебора [25] и *культурных пространств* Анри Лефевра [26].

Именно в этом смысле право — это не только институциональная реальность. Поскольку институты одновременно переживаются и осмысляются, это также ментальная и когнитивная реальность. Поэтому важнейшим элементом понимания онтологии правовых институтов являются рамочные базовые представления о власти и нормативном регулировании или *концепты*. Своего рода доктринальные ядра политического и юридического развития соционормативных, в том числе правовых систем. Концепты выполняют двойную регуляторную функцию в механизме развития права и науки права. Во-первых, в определениях границ аналитического языка юриспруденции. Во-вторых, в определениях границ предметов правового регулирования. В-третьих, в определениях состава и структуры источников действующего права. Поэтому право по факту и понятию — это *концептуальная реальность*. Категория «концепт» выражает коллективные представления и переживания феномена права на языке, в терминах и определениях исторической и культурной эпохи его существования. В этом смысле право — это *и концептуальная, и языковая реальность*.

Категория «концепт», наряду с категорией «институт», составляет вторую базовую аналитико-тематическую единицу изучения процессов

государственно-правового развития, поскольку оно определяется нормативными представлениями о должных формах организации власти и нормативного регулирования. Опираясь в исследовании явлений государства и права определенным языком, терминологией и логикой рассуждений, важно обозначить их положение как в общей системе научной дисциплины, так и в рамках конкретно-исторической юридической картины мира. Концепты лежат между категориями и понятиями, между социально-нормативными фактами и определениями социально-нормативных фактов. Они квалифицируют государственно-правовую реальность, *фиксируют* ее культурную и цивилизационную принадлежность. И, самое главное, концепты определяют исторические траектории ее развития: *инерционность и преемственность, позитивную или негативную динамику* движения политико-правовых традиций и новаций в практиках государственно-правового развития. Иначе говоря, феномен права существует в рамочных определениях и построениях *концептогенеза* своего времени и места.

В конечном счете именно концепты определяют исторические траектории и судьбу тех или иных правовых систем. Феномен права существует в рамочных определениях и построениях своих концептуальных оснований или базовых ценностей и представлений о должном. Или *юридических картин мира*. В этом отношении право — *цивилизационный феномен*. Восточная традиция понимания права связана, существует и воспроизводит себя в системе глубинных концептуальных координат: *традиции, иерархии, авторитета*. В свою очередь, западная традиция понимания права также связана, существует и воспроизводит себя в своей системе глубинных концептуальных координат: *формального равенства, индивидуальной свободы, социальной справедливости*.

Категория «концепт» раскрывает внутреннюю и скрытую от глаз природу права, поскольку концепты имеют *феноменологический статус*, то есть статус репрезентации явления в коллективном и индивидуальном сознании в форме *образов и знаков, символов и представлений*. Концепт — ментально существующее, конкретное воображаемое, обнаруживающее свое социальное и культурное существование в политических и правовых институтах. То есть концепты имеют институциональные, доктринальные и аналитические репрезентации. Право, прежде чем стать институтом, возникает и живет, переживается и осмысливается в сознании индивидуальном и коллективном в терминах и определениях концептов или культурных языков своей эпохи. Таким образом, в самом общем виде право одновременно *институциональная реальность и языковая реальность, концептуальная реальность, когнитивная и ментальная реальность* со своими предметами, аспектами и языками изучения, описания и объяснения явления права. Государственно-правовое развитие в этом плане — это институциональное развитие социальных систем, концептуальное развитие социальных систем и ментальное развитие социальных систем.

Категория «концепт» уже представлена в отечественной юриспруденции. Концепты лежат не только в основании формирования аналитического языка юриспруденции. Это — одна сторона вопроса и предмет эпистемологии права. Концепты образуют нормативное основание права и правового развития. Они играют правообразующую, а точнее, правопорождающую функцию. Это другая сторона вопроса и предмет онтологии права. Концепты являются источниками права и правового развития в собственном смысле и значении данной категории, явления и понятия. Юриспруденция концептов составляет аналитическое ядро Инновационной юриспруденции, определяя ее собственную дисциплинарную структуру, историческую динамику и траекторию развития.

Номенклатура возможных проявлений юридического концепта действительности включает множество измерений, охватывая собой и историко-генетические, и социокультурные, и когнитивные, и концептуальные, и нормативные, и институциональные, и формально-догматические аспекты существования и выражения права. Это своего рода универсальное первоначало *юридического per se*, следы шествия которого сквозь историческое время и пространство и образуют правовую реальность. Это и юридические идеи, и категории, и ценности, и представления, и символы и архетипы. Изменения в их системе, структуре и составе под влиянием экзогенных и эндогенных, постоянных и переменных факторов и условий социального развития и определяют конкретно-исторические формы и содержания правовой действительности. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой категории *юридический концепт действительности*. Хотя, разумеется, каждый из перечисленных элементов как в отдельности, так и в их системе требует развернутого предметного анализа. Юридический концепт действительности как элемент правовой реальности является исторической категорией, меняющейся вместе (синхронно или асинхронно, симметрично или асимметрично) с этой реальностью. Он не может быть ни полным, ни завершенным, поскольку он такой, какой есть в смысле существования. Юридический концепт действительности как предмет научно-практической рефлексии существует уже в другом концептуальном пространстве, в форме понятия о самом себе и той реальности, частью которой он является по факту, а не определению.

Категория «юридический концепт действительности» и понятие «юридический концепт действительности» живут на различных «этажах» правовой реальности, обладают собственной предметной и эпистемологической логикой развития и воспроизводства. Их объединяет общий научно-практический язык, язык юридических определений и язык юридических конструкций. Каждая историческая эпоха существования права — это одновременно и историческая эпоха существования корреспондирующего ей юридического концепта действительности, то есть юридического языка права и юридического языка размышления о праве. По существу, юридический

концепт действительности, его содержание и структура связаны и определяются эпистемологическими и аксиологическими поворотами юридических картин мира.

Юриспруденция как методология и технология правового развития

Юриспруденция или юридическая наука имеет свою концептуальную биографию. Становление и развитие аналитического языка юриспруденции от фактического и конкретного к абстрактному и понятийному также имеет свои фазовые переходы и циклы в движении и развитии концепций и представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Содержание юридической науки всегда включало в себя историю борьбы доктрин и теорий, протекающую в исторической логике *смены концептуальных парадигм*. Исторические формы выражения юридических знаний *от мифов и вероучительных представлений к логосу* претерпевали фундаментальные трансформации как в составе используемых терминов и определений — в языке и стиле аргументации, так и в скрытых мотивах и фактах описания и объяснения правовой реальности — в социальной психологии и культурных предпочтениях, заключенных в юридических текстах.

Все это выражение манифестаций и функций определенного исторического времени, определенных эпох в развитии правовых культур и мировоззрений. Это проявляется в акцентировании внимания на отдельных событиях и моментах исторического и государственно-правового развития, отсылках к определенным авторитетам, юридическим течениям и школам, доказательствах и обоснованиях социальной позиции как выражения определенных интересов и ценностей. То есть развитие юриспруденции в конечном счете есть развитие определенного политико-правового дискурса и господствующего концепта юридической действительности или *рамочного* социокультурного и ценностного представления о должном или недолжном, надлежащем и ненадлежащем правопорядке.

Юриспруденция не только изучает, но и квалифицирует правовую реальность, оценивает ее на предметную состоятельность или несостоятельность, социальную приемлемость или неприемлемость. На каждой исторической фазе аналитической эволюции юриспруденции как теоретической, так и практической, рациональной или эмпирической всегда можно вычлени свой содержательный и формальный компонент, в определениях которых заключены понимание и потенциальное решение аналитических вопросов правового развития, располагается и фиксируется эпистемологический, политико-правовой и социокультурный статус той или иной концепции, понятия и теории. Отсюда проистекает разнообразие аксиоматических, доктринальных и метафизических суждений о государстве и праве в формате публицистики, риторики или рационально-логических конструкций и построений.

Особое место здесь занимают методологический и инструментальный компоненты, в рамках которых обосновывается объективность и достоверность получаемого или полученного юридического знания и его практическая ценность, а также мировоззренческий (*аксиологический*) компонент, раскрывающий или демонстрирующий базовые ценностные ориентации признания или непризнания эффективности тех или иных технологий политико-правового развития. Праксеологический (прагматический) компонент включает в себе прикладной смысл и значение полученной информации, возможности ее практического использования в форме рекомендаций, проектов решений, экспертных заключений и обоснований политики реформ, политики консервации или имитации изменений.

Перечисленные элементы (*измерения и составляющие*) юриспруденции в зависимости от социально-политического контекста, уровня развития правосознания, а также исторического этапа развития как политического и гражданского общества, так и самой юридической науки, всегда обнаруживают и проявляют себя в той или иной степени и форме на отдельных вехах, стадиях, фазах социокультурного и цивилизационного развития систем социального общения. Юриспруденция Ветхого и Нового Завета, Кораническая юриспруденция, юриспруденция эпох Реформации и Просвещения, юриспруденция общества модерна выражали и реализовывали на различных религиозных, доктринальных, метафизических основаниях собственное правопонимание и собственное право. Оставили непреходящее правовое наследие — языки и стилевое разнообразие отдельных эпох жизни юридического концепта действительности в определениях правовой классики, аналитической и исторической юриспруденции, позитивизма и правового реализма.

В актуальной повестке дня — поиски собственной юридической *методологии и технологии* будущего правового развития сетевых обществ эпохи постмодерна. И здесь проблематика онтологического статуса юридического языка в процессах институционального и концептуального развития правовых систем имеет основополагающее научно-практическое значение. Язык не только отражает право, но и формирует право, поскольку «языковая форма действительно представляется не только возможным, но и вообще единственным материалом нововведений и новообразований» [27, с. 387]. Формально-догматическая традиция понимания языка права в определениях нормативно-правовых актов должна быть вписана в определения юридического языка как бытийного основания существования и воспроизводства правовых систем. Юридический язык производит правовую реальность в определениях своей социокультуры. Поэтому образные и понятийные конструкции права являются органической частью правовой реальности, ее концептуальных и институциональных оснований. Вопрос первичности и вторичности материальных или идеальных оснований права сегодня также далек от своего окончательного разрешения, как и вчера. Это не только

основной вопрос философии, но и основной вопрос развития права. По существу, вокруг него и вращается вся действительная проблематика и теоретической и практической юриспруденции, ее предмета, структуры, ее феноменологии и эпистемологии. Юридический язык вплетен в практики социального общения и их осмысления. Юриспруденция жеста и звука, слова и цифры — это культурно-исторические формы существования, выражения и манифестации бытия права.

Культурно-историческими основаниями права выступают элементы социальной действительности, наличие которых определяет и сущность и существование права как такового. Это то, без чего права нет, и это то, что конституирует правовую реальность и определяет реальность права. Таких безусловных оснований или первоначал два: *социальная свобода* и *социальное принуждение*. Право в этом смысле есть не что иное, как юридически организованная свобода или поведение в рамках юридических гарантий и ограничений. Право есть социальное бытие в одной из культурно-исторических форм его проявления и существования. Право имманентно сущему. Оно пребывает не над и не вне, а внутри социальной реальности. Оно и есть сама реальность, поскольку социальное как таковое уже фактом своего существования предполагает нормативный порядок отношений. Правовое или юридическое, или нормативно-должное, это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое обеспечивает существование социального порядка в практиках социального общения как наиболее адекватной и нормативно обеспеченной форме порядка *per se*. Исторические формы социального есть одновременно и исторические формы нормативного. Абсолютно прав Л.С. Мамут: «Онтическое, не опосредствуемое деонтическим, исключено» [28, с. 19]. Столь же очевидно, что деонтическое, неопосредованное концептуально, также исключено. Прежде чем быть институтом, право живет в концептах. Социальная реальность задана в мифологии и религии, образах и символах, представлениях и понятиях — доминантных для каждой эпохи юридических картин мира исторических типов правового мышления [29] и знания.

Список литературы

1. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
2. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Том 1. Основные институты и понятия. М., 1970.
3. Проблемы теории государства и права / Под ред. проф. М.Н. Марченко. М., 2005.
4. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. проф. В.С. Нерсесянца. М., 2010.
5. Общая теория права и государства / Под ред. проф. В.В. Лазарева. М., 2010.
6. Гуссерль Эдмунд. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб., 2022.

7. Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. М., 2012.
8. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
9. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997.
10. Веденеев Ю.А. Грамматика правопорядка: монография. М.: Проспект, 2018.
11. Деев Н.Н. Государственность и этнополитическое развитие. Политические проблемы теории государства. М., 1993.
12. В поисках теории права / под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
13. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
14. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство Альфа-Книга, 2020.
15. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи. М.: Рипол-классик, 2018.
16. Липшман У. Общественное мнение. М., 2004.
17. Шпенглер О. Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории. М.: Издательство Альфа-книга, 2017.
18. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. М., 2002.
19. Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2017.
20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1994.
21. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., Новое литературное обозрение, 2021.
22. Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. В 2-х томах. Тбилиси: Издательство «Мерани», Веста, 1991.
23. Юнг К. Психологические типы. Санкт-Петербург: Ювента; Москва: Прогресс-Универс, 1995.
24. Бодрияр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2016.
25. Дебор Ги. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2018. 220 с.
26. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
27. Кузницын Д.В. Послесловие переводчика / Гуссерль Эдмунд. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб., 2022.
28. Мамут Л.С. Полиmodalность права. Правовая коммуникация и правовые системы // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4.
29. Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы: коллективная монография / Под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.